

ЛИТЕРАТУРНОЕ

КАФЕ

Июль

92

Был ослепительный июльский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи.
Плавучих гор — серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.
Перси Бинн Шелли.

Л. СИДОРОВ

ОПАЛЬНАЯ ЗВЕЗДА
Опальная звезда — я ею стал,
Лишившись звездных голубомочий.
Я бы упал, я бы упал
На отраженьи серой ночи.
И вы вздохнули бы легко,
Кому мой свет был — мака-
заньем.
В угоду злостных преде казан-
ний,
И путеводных маяков,
Я бы упал, при свете дня,
Чтоб тьмой меня не помина-
ли,
Я бы упал, но на меня
Опять желанье загадали.

Ничего так не хочется отбелить,
Как серый цвет. Ускольз-
нушему в память
Гораздо чаще хочется возвра-
тить,
Чем принять как факт неос-
поримой яви,
Или немилости. Без конца
Уличаемый зеркалом в не-
постоянстве,

Я штрихами голоса и лица
Заштриховываю простран-
ство
Чьих-то надежд. И когда
земля
Мой шаг из вида упустит,
Пусть самый печальный
взгляд, мой взгляд
В свою бессонницу впустит.

Озерные воды ловили твою
отраженьи.
Пряталась ночь за сиреневый
куст.
Ты глаза закрывала — в миг
подтверженьи
Губами моими твоих чувств.
Ты глаза закрывала — ты
благословляла
На вознесение души мою.
Ты глаза закрывала — ты
воспевала
Небо и землю всеми пятью...

Время — это чернила,
Которыми легко
Вычеркивать из глаз милых,
Ушедших далеко.

А. КОЗЛОВСКАЯ

Тревожно мне,
Твой телефон молчит.
И может, все?..
А как же я?..
И набранные только для тебя,
Слова рассыпались
В ненужный шрифт.
Я снова номер набираю
И снова сердцем обмираю,
Но вот я слышу голос твой:
Ну, здравствуй, да, живой.
И вновь слова я собираю,
И, кажется, тебя ругаю,
Но все слова, что только сказаны,
Совсем не те, что были набраны...

Во мне едва затеплилась свеча,
Почти неслучивым ее лампадный свет.
Ладонью заслоню — как горяча,
И тихо радуюсь — не одинока, нет.

Н. ШАКУРА

Все сложилось не так...
Злую шутку
сыграл я с судьбою...
Сорок лет пролетело
в каком-то кошмарном бреду.
И родная земля
для меня уже стала чужою,
по которой сейчас
я бессцельно бреду.
Кто с насмешкой глядит,
кто сует мне надкушенный ломоть...
А бывает еще,
что спускают по следу собак.
И иду я теперь
по земле для меня незнакомой,
только пальцы сплелись
то ли в кукиш,
а то ли в кулак.
Все сложилось не так...
А могло быть иначе...
Но другого винить не могу,
не имею я прав.
Как подбитый птенец,
вновь душа моя стонет
и плачет,
до отцовской земли
своим телом студеным
припав.

В. ВОРОНИН

И снова вьюги, потемнев, глаза,
Вихря снегами, замели дорогу.
Знобит осинник. Затаив тревогу,
Скрипит у речки на юру сосна.
И застит небо, разметавшись, мгла,
И день, и даль; крепясь, гудит округа.
И всюду — вьюга, вьюга, вьюга, вьюга
И, словно боль, промерзшая земля...

В. МЕРКУШИН

НАВАЖДЕНИЕ
Убаюкал ветер.
Утонул мороз.
Мне сегодня снился
Цвет твоих волос.
Кудри золотые
Россыпью чудес
Возносились пухом
В синеву небес.
И струилось злато,
И была капель...
Так встречался с мартом
Молодой апрель.

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Умывались ливнями
И, грозя дождям,
Шастали с корзинами
По грибным местам.
Целовали ягоды

Прямо на кустах,
И стреляли взглядами
Перелетных птиц.
Засыпали на перинах
Векового мха
Под напевы колыбельной,
Что поет река.
"Баю, баю, баюшки"...
Кто-то шепчет мне.
Разомлела осень
В сонной тишине.

Ю. САВИЦКАЯ

ОБЩЕНИЕ
С утра исчезает тень,
Солнце во всей округе.
Я выберу этот день,
Чтобы пойти к подруге.
Что с ней? И где она?
Мне уже стало снится:
Сидит у окна одна
Нахохлившейся синицей.
Солнце своим чередом
Склонилось к земному кругу,
Я снова найду этот дом,
Чтоб навестить подругу.
Будем закат встречать
С отсветом счастья на лицах;
Захлебываясь, щебетать —
Две милые женщины-птицы.

СМОРОДИНА

Хрустальные люстры средь листьев висели.
Хрустальная мелочь мне сыпалась в руку,
В горсти излучая немое веселье
И розово-алую летнюю скуку.
Сверкнули, рассыпались брызги бассейна,
Пронесся веселья галоп запоздалый.
На листьях смородины капли осели,
На дрогнувших пальцах — сок темно-алый.

Л. ИСАЕВА

Ты мое вдохновенье и боль,
Слышишь, сердце заходится в плаче,
И высокое: взяв си-бемоль,
дышит, как утомленная кляча.
Ты моих сновидений король,
На губах поселивший усталость.
Я свою не усвоила роль.
И у зрителей вызвала жалость.
Чтоб беспомощно рвать на куски
Окровавленный голос тоски.
Опуская глаза перед залом,
Тренировать от бессилья, стыда,
Понимая, что жизнь навсегда
Задрожала разбитым бокалом.

Колышется над пропастью ума
Раздумный пыльных ветренная ломкость.
Я просто перестала понимать
Холодных слов дрожащую бездонность.
Беззвучие рождается внутри,
Взрывается память, исцеляя душу.
И Сам Господь со мною говорит
Любовью, а ее не надо слушать.
Она теплом и светом в глубину
Сомнений и несказанных понятий
Прольется, и сама рассеет тьму
Великой силой Божьего распятия.

